ЕЛИЗАВЕТА ХОЛОДНАЯ

ПРОТОКОЛ МЕДУЗА

Елизавета Холодная

Протокол Медуза

«Автор»
2026

Холодная Е.

Протокол Медуза / Е. Холодная — «Автор», 2026

Люди каменеют и умирают, свидетели описывают одно и то же лицо, экспертиза молчит. Отдел, которого нет в штатных расписаниях, хранит дела, которые нельзя было закрыть. Варвара Волкова читает их одно за другим и ведёт своё собственное дело — дело номер один, о гибели её отца. Что же происходит на самом деле?

© Холодная Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Вместо предисловия 5
Пролог. Медуза на шнурке 6
Часть первая. Новый агент 9
Глава 2. Архив 13
Глава 3. Кабинет номер семь 18
Глава 4. Дело № 214. Морская оса 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Елизавета Холодная
Протокол Медуза

Вместо предисловия

Роман является художественным произведением. Отдел «Г», организация «Школа», фонд «Наследие», холдинг «Арктур», программа «Медуза», вещество М-214 и все персонажи книги вымышлены. Описанные в архивных делах события выдуманы автором; любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны. Технические подробности, которые могли бы послужить чьим-то целям, намеренно опущены или искажены.

Часть мест, о которых идёт речь, существует на самом деле. Высотка на Котельнической набережной стоит там, где стояла. Кубомедузы, которых называют морскими осами, действительно живут в тёплых морях и действительно считаются одними из самых ядовитых существ на планете.

Всё, что в этой книге кажется необъяснимым, имеет объяснение. Почти.

Пролог. Медуза на шнурке

Москва, Таганка. Пятница, 14 апреля 1995 года

В то утро отец разбудил её раньше будильника.

Варваре было шесть с половиной, и она знала про отца три вещи. Что он работает «в одном институте» и что раньше этот институт был у моря, в Севастополе, где Варя родилась, а теперь — в Москве, на Пресне, в длинном сером здании у реки, похожем на склад. Что пахнет он после работы не табаком, а чем-то кислым, аптечным, и мама говорит — химия. И что, если он уходит до рассвета, значит, вернётся поздно, а мама будет весь вечер сидеть у телефона и делать вид, что читает.

Он сел на край её кровати. Свет из коридора падал косой полосой на одеяло, на его руки, на рукав серого свитера. Пахло табаком, одеколоном «Шипр» и морозной улицей, хотя был апрель и снег давно сошёл.

— Варя, — сказал он. — Спишь?

— Сплю, — сказала она и открыла глаза.

Он засмеялся. Тихо, чтобы не разбудить маму. У отца был смешной смех — он смеялся носом, коротко, будто чихал. Мама говорила, что так смеются люди, которые привыкли не шуметь.

— У меня для тебя подарок, — сказал он. — Только это секрет. Даже маме не говори пока. Договорились?

Варвара села в кровати.

Он раскрыл ладонь. На ладони лежала стеклянная медуза размером с крупную бусину. Прозрачный купол, чуть голубоватый, а внизу — тонкие стеклянные нити, закрученные спиралью, как застывшая вода. Внутри купола, если поднести к свету, загоралась крошечная красная точка, будто там билось сердце. Медуза висела на чёрном шёлковом шнурке.

— Это кто? — спросила Варвара.

— Медуза, — сказал отец. — Морское животное. Живёт в тёплых морях. Очень красивое и очень опасное. — Он надел шнурок ей на шею, поправил, чтобы медуза легла поверх пижамы. — Её нельзя трогать руками, если встретишь в море. А эту — можно. Эта будет тебя охранять.

— От кого?

Отец помолчал. Он смотрел не на неё, а на медузу у неё на груди, и Варваре показалось, что он думает о чём-то совсем другом.

— От тех, кто смотрит, — сказал он наконец. — Знаешь легенду про Медузу Горгону? Нет, откуда тебе. Была такая женщина в старых сказках. У неё вместо волос — змеи. И кто посмотрит ей в лицо — тот каменеет. Навсегда. — Он улыбнулся. — Так вот. Пока эта медуза у тебя — тот, кто захочет тебе зла, сам окаменеет. Поняла?

— Поняла.

— Скажи.

— Кто посмотрит — окаменеет.

— Умница.

Он поцеловал её в макушку, встал и пошёл к двери. На пороге обернулся. Варвара потом много лет пыталась вспомнить его лицо в эту секунду — и не могла. Свет был за спиной, и лица не было видно, только силуэт: высокий, сутулый, в свитере, с рукой на дверном косяке.

— Варя, — сказал он. — Если я задержусь — ты маму береги. Хорошо?

— Хорошо, — сказала она.

И он ушёл.

Она слышала, как он надевает в прихожей ботинки, как звякают ключи, как тихо, чтобы не хлопнуть, закрывается входная дверь. Потом — шаги на лестнице. Они жили на третьем

этаже старого кирпичного дома в Гончарном переулке, и Варвара знала все звуки этой лестницы: скрип четвёртой ступеньки, гул железной сетки лифтовой шахты, стук подъездной двери, которая закрывалась на тугой пружине.

Подъездная дверь стукнула.

Варвара вылезла из кровати, подошла к окну, отодвинула штору. Внизу, во дворе, стояла его машина — белые «Жигули» с вмятиной на крыле. Отец сел за руль. Машина не завелась с первого раза. Со второго — завелась. Фары мазнули по мокрым стволам тополей, по мусорным бакам, по двери котельной. И машина уехала.

На Пресню. В серое здание у реки.

Она стояла у окна, пока не замёрзли ноги. Потом вернулась в кровать и долго лежала, держа в кулаке стеклянную медузу. Стекло нагрелось от ладони. Красная точка внутри купола в темноте была не видна, но Варвара знала, что она там. Что она бьётся.

* * *

Вечером они с мамой смотрели телевизор.

Мама сидела в кресле у торшера, с книгой на коленях, и не читала. Варвара сидела на полу, на ковре, и раскрашивала карандашами раскраску про Буратино. Телефон стоял на тумбочке рядом с мамой. Он молчал весь день.

В девять начались новости.

Варвара не слушала. Новости были скучные, про взрослых, про какие-то цены и какие-то выборы. Она подняла голову, только когда мама вдруг выпрямилась в кресле и книга соскользнула с её колен на пол.

На экране была улица. Ночная, мокрая, освещённая мигалками. Длинное серое здание у реки — с чёрными провалами окон, из которых валил дым. Пожарные машины. Брандспойты. Люди в форме. Белая простыня на асфальте у ворот, под которой что-то лежало.

«…сегодня около шести вечера на Пресне, на Шмитовском проезде, — говорил голос диктора, ровный и неживой, — произошёл взрыв на складе одного из научно-исследовательских институтов. По предварительным данным, причиной стала неисправность газового баллона. Начался пожар, который удалось потушить только через два часа. Есть погибшие. Их личности устанавливаются…»

Мама смотрела на экран.

Варвара смотрела на маму.

— Мам, — сказала она. — Это не папа?

Мама вздрогнула. Повернулась к ней. Лицо было белым.

— Нет, — сказала мама. — Нет, Варя. — Голос у неё был чужой. — Там много складов. Там все институты. — Она попыталась улыбнуться. — Папа на работе. Он позвонит.

Мама встала. Подошла к телефону. Сняла трубку. Набрала номер — Варя знала этот номер, он был записан на бумажке под стеклом на тумбочке: «Работа. Коля». Гудки. Долгие. Никто не ответил.

Мама положила трубку. Набрала ещё раз. Ещё.

Варя стояла посреди комнаты и держала в кулаке стеклянную медузу на шнурке.

Отец не позвонил ни в тот вечер, ни потом.

Через три дня маме позвонили из института. Через неделю были похороны. Закрытый гроб. Мама держала Варю за руку так крепко, что потом на ладони остались следы от ногтей. Взрослые говорили слова, которых Варя не понимала: «несчастный случай», «баллон», «опознали по зубам», «технику безопасности никто не соблюдает». Начальник отца, грузный человек с красным лицом, сказал маме у могилы: «Нина Сергеевна, институт вам поможет». Институт закрылся через полгода.

Через десять дней после похорон к ним пришёл пожилой человек в длинном пальто. Невысокий, с седыми висками, с очень спокойными серыми глазами. Он долго сидел с мамой

на кухне за закрытой дверью. Варвара слышала только обрывки: «это был не баллон», «я не верю», «мы разберёмся», «никому не говорите». Потом мама плакала. Без звука, но Варвара знала, что она плачет: когда мама плакала, на кухне переставала звякать посуда.

Уходя, человек в пальто остановился в коридоре. Посмотрел на Варвару. Она стояла в дверях своей комнаты в пижаме, и стеклянная медуза висела у неё на груди.

Человек посмотрел на медузу. Долго. Что-то изменилось в его спокойном лице — Варвара не поняла что. Как будто он увидел то, чего не ожидал увидеть.

— Это тебе папа подарил? — спросил он.

— Да.

— Когда?

— В тот день. Утром.

Человек помолчал. Потом присел перед ней на корточки, так что их глаза оказались на одном уровне.

— Береги её, — сказал он. — Никому не показывай. Никому не отдавай. Даже если очень попросят. Хорошо?

— Хорошо.

— Меня зовут Пётр Аркадьевич, — сказал он. — Когда-нибудь, когда ты вырастешь, я тебя найду. И расскажу, что случилось с твоим папой. Обещаю.

Он встал, надел шляпу и ушёл.

Варвара вернулась в комнату, легла в кровать и до утра держала медузу в кулаке.

Пётр Аркадьевич сдержал слово.

Через тридцать один год.

Часть первая. Новый агент
Глава 1. Паучиха

Измир, Турция. Четверг, 29 октября 2026 года

Уборщицу на восьмом этаже отеля «Кордон» звали Гюльсюм, ей было пятьдесят два года, и она хромала на левую ногу.

Так было написано в её пропуске, так считали её напарницы, так считал старший администратор, который две недели назад взял её на работу по рекомендации своей двоюродной тётки из Маниса. Гюльсюм приходила к семи утра, уходила в четыре, говорила мало, улыбалась часто, носила серый платок и толстые чулки и никогда не спорила, если ей добавляли лишний номер. Её любили. Её не замечали. Это было одно и то же.

В девять сорок утра двадцать девятого октября Гюльсюм толкала свою тележку по ковровой дорожке коридора, и колёсико тележки поскрипывало на каждом третьем обороте. Она сама его так настроила — чуть подогнула ось. Звук был противный, мелкий, назойливый. Через неделю его перестали слышать все: горничные, охрана, постояльцы. Через две недели скрип тележки на восьмом этаже стал такой же частью отеля, как запах кофе из лобби и шум моря за окном.

Человек, который не замечает звука, не замечает и того, кто его издаёт.

Варвара Волкова знала это лучше, чем таблицу умножения.

Номер восемьсот четырнадцать занимал господин Халид Мансури, гражданин одной ближневосточной страны, финансист, консультант, меценат. Официально он приехал в Измир на конференцию по морским перевозкам. Неофициально — встречаться с людьми, которые переводили деньги через три континента и превращали их в оружие для тех, кто взрывал автобусы. Его искали пять разведок. Его не трогали, потому что он был нужен живым: он знал имена. Одно из этих имён интересовало службу Варвары больше всего на свете.

Её задача была простой. Не убить. Не похитить. Взять.

Мансури не доверял ни телефонам, ни облачным хранилищам. Он доверял бумаге и маленькой записной книжке в обложке из тёмной кожи, которую носил во внутреннем кармане пиджака, а на ночь клал в сейф номера. В книжке были цифры. Только цифры, без имён. Но цифры — это номера счетов, даты, суммы. Тот, кто прочитает их правильно, увидит всю паутину.

Варвара любила паутину. Её и прозвали за это — Паучиха. Ещё в интернате. Девочка, которая часами сидела в углу и молча плела из ниток узлы, а потом показывала воспитателю, как один узел держит все остальные.

Она знала распорядок Мансури лучше, чем он сам.

Подъём в шесть. Молитва. Завтрак в номер в шесть сорок — омлет, хлеб, финики, чёрный кофе без сахара. В семь тридцать — спортзал на крыше, сорок минут на беговой дорожке, потом бассейн. Книжку он брал с собой в спортзал, в закрытом кармане спортивной сумки, а сумку ставил у тренажёра, на виду, в двух шагах. В девять — душ. В девять тридцать пять — выход из номера на встречу. Книжка — во внутреннем кармане пиджака. Сейф пустой.

Две недели Варвара смотрела. На четырнадцатый день она увидела то, что искала.

Мансури был человеком привычки. Но у каждого человека привычки есть щель. У Мансури щелью был галстук. Он завязывал его последним, уже одетым, перед зеркалом в прихожей номера, и на эти сорок секунд снимал пиджак и вешал его на спинку стула у двери. Каждый раз — на спинку стула. Каждый раз — на сорок секунд.

Сорок секунд — это много. Это целая жизнь, если ты знаешь, что делать.

В девять тридцать одну Гюльсюм постучала в дверь номера восемьсот четырнадцать.

— Уборка, эфенди.

— Позже! — ответил раздражённый голос изнутри.

— Простите, эфенди. Полотенца. Вы вчера просили.

Пауза. Мансури вчера действительно просил полотенца. Позвонил вечером на ресепшн и жаловался, что ему оставили только два, а он привык к четырём. Варвара знала, потому что сама позаботилась, чтобы ему оставили два.

Дверь открылась.

Мансури стоял на пороге без пиджака, в белой рубашке, с развязанным галстуком на шее. Пятьдесят восемь лет, полный, седые виски, золотые очки. Смотрел поверх её головы — так смотрят на мебель.

— Быстрее, — сказал он по-английски и отступил вглубь прихожей, к зеркалу.

Гюльсюм, прихрамывая, вкатила тележку. Скрип колёсика. Раз, два, три — скрип. Мансури поморщился и отвернулся к зеркалу. Взялся за галстук.

Пиджак висел на спинке стула у двери. В полуметре от тележки.

Варвара сняла с тележки стопку полотенец. Повернулась к ванной. Её левая рука в резиновой перчатке скользнула под стопку — и стопка на мгновение накрыла пиджак. Пальцы нашли внутренний карман. Кожаная обложка. Тёплая, гладкая.

Книжка ушла под стопку полотенец. На её место во внутренний карман легла другая. Точно такая же: та же кожа, тот же размер, та же потёртость на углу, та же чуть надорванная вклейка на форзаце. Мастер в Стамбуле делал её девять дней по фотографиям, которые Варвара сняла через стекло спортзала. Внутри — те же цифры, переписанные почерком Мансури. Почти те же. В трёх местах — по одной другой цифре.

Мансури завязывал галстук. Широкий узел. Тридцать секунд.

Варвара отнесла полотенца в ванную. Разложила. Вернулась. Взяла с тележки корзину для мусора. Вынесла мусор из ванной. Поставила на тележку. Повернула тележку к выходу.

— Спасибо, эфенди. Хорошего дня.

Мансури не ответил. Он затягивал узел. Сорок секунд.

Она выкатила тележку в коридор. Дверь за ней закрылась. Скрип колёсика — раз, два, три. Она шла, прихрамывая, к служебному лифту, и в груди у неё было очень тихо.

Подлинную книжку она переснимала в служебном туалете на седьмом этаже. Сто двенадцать страниц. Камера размером с пуговицу, старая, надёжная, без связи с сетью. Девять минут. Потом книжка ушла в двойное дно корзины для грязного белья, а корзина — в прачечную, где её через час заберёт человек, которому Варвара ни разу не видела лица.

Подменная книжка с тремя неправильными цифрами отправится с Мансури на встречу. Он передаст кому-то номер счёта, и деньги уйдут не туда. В одну из трёх банковских ловушек, которые службы трёх стран готовили полгода. А Мансури потом будет мучительно вспоминать, где ошибся, и не вспомнит, потому что ошибся не он.

Никто не умрёт. Никто ничего не заметит. Деньги, которые должны были превратиться в оружие, просто исчезнут.

Варвара вышла из отеля через служебный выход в четыре, как всегда. Попрощалась с напарницами. Старшая горничная, Фатма, сунула ей в руку пакет с пахлавой — для внуков, сказала она. У Гюльсюм по легенде было трое внуков в Манисе. Варвара поблагодарила. Пахлава была тёплая.

Она шла по набережной Кордон, прихрамывая, в сером платке, с пакетом в руке. Слева — море, тёмное, осеннее, с белыми барашками. Справа — кафе, пальмы, гуляющие пары. Садилось солнце. Чайки кричали над водой.

На скамейке у памятника сидел старик и кормил голубей. Варвара села рядом. Положила пакет с пахлавой между собой и стариком. Старик, не глядя на неё, положил рядом с пакетом сложенную газету.

Посидели. Помолчали. Голуби клевали крошки.

Потом старик встал, взял пакет с пахлавой и ушёл. Газета осталась.

Варвара развернула её. Внутри, между спортивной страницей и кроссвордом, лежал белый конверт без надписей.

Она не стала открывать его сразу. Сидела. Смотрела на море. Это было единственное, что она позволяла себе после каждой операции: пять минут посидеть и посмотреть на воду. Не думать. Не считать. Не помнить ни Гюльсюм, ни Мансури, ни цифр в кожаной книжке.

Она сунула руку под платок, под ворот кофты. Нащупала на груди стеклянную медузу на чёрном шнурке. Тридцать один год. Шнурок она меняла шесть раз. Медузу — ни разу.

Пять минут кончились.

Она открыла конверт.

Внутри был лист плотной бумаги. Не распечатка — машинопись. Настоящая. Буквы чуть неровные, чуть проваливающиеся, как бывает только у старых пишущих машинок с изношенной лентой. Варвара не видела машинописи лет двадцать.

Три строчки.

«Волковой А. Н. Ваша служба в нынешнем подразделении завершена. Явиться 9 ноября 2026 г., 10:00. Москва, Котельническая набережная, дом 1/15, корпус Б, подъезд со стороны Яузы. Спросить архив. Лебедев».

Подписи не было. Только фамилия, отпечатанная той же машинкой.

Варвара прочитала три раза.

Потом сложила лист вчетверо. Сунула во внутренний карман кофты. Встала.

Котельническая набережная. Высокий дом со шпилем на набережной, куда детей не пускают. Подъезд со стороны Яузы.

Лебедев.

Пётр Аркадьевич.

Она шла по набережной Кордон к своей съёмной комнате в старом квартале, прихрамывая, в сером платке, в толстых чулках. Пятидесятидвухлетняя уборщица Гюльсюм, у которой трое внуков в Манисе. И впервые за двенадцать лет службы чувствовала, как под этой легендой, глубоко, там, где никто не видит, кто-то маленький стоит у окна в пижаме и смотрит, как уезжают белые «Жигули».

* * *

Вечером она позвонила по единственному номеру, который знала наизусть и по которому звонила за двенадцать лет четыре раза.

Ответил полковник Ракитский. Её начальник. Человек, который в две тысячи первом забрал её из интерната, тринадцать лет учил всему, что она умела, потом двенадцать лет посылал туда, куда не посылал больше никого, — и ни разу не спросил, о чём она думает.

— Я получила письмо, — сказала она.

— Знаю, — сказал Ракитский.

— Это вы?

— Нет. — Пауза. — Это выше меня. Намного выше. Мне сообщили позавчера. Тебя переводят. Без права отказа.

— Куда?

Ракитский долго молчал. В трубке шуршало — то ли помехи, то ли он закуривал. Он всегда закуривал, когда не хотел отвечать.

— Варвара, — сказал он наконец. — Я двадцать пять лет тебя знаю. Ты лучшая, кто у меня был. Я тебя отпускаю не потому, что хочу, а потому, что меня не спрашивали. — Пауза. — Туда, куда тебя зовут, я бы не пошёл. Даже если бы позвали.

— Почему?

— Потому что оттуда не возвращаются в обычную жизнь, — сказал Ракитский. — Там архив, Варвара. А в архиве живут мёртвые.

Он положил трубку.

Варвара сидела на узкой кровати в съёмной комнате с видом на минарет и держала телефон в руке.

На груди, под кофтой, лежала стеклянная медуза. Тёплая. Ей вдруг показалось, что красная точка внутри купола бьётся быстрее.

Это, конечно, было глупо.

Глава 2. Архив

Москва, Котельническая набережная. Понедельник, 9 ноября 2026 года

Высотка стояла над слиянием Яузы и Москвы-реки, как стоят на краю обрыва старые маяки: прямо, не оглядываясь, зная, что их видно издалека.

Варвара подошла к ней в девять сорок пять со стороны Яузы, по набережной, мимо мокрых лип и пустых скамеек. Ноябрь в Москве был таким, каким она его помнила: серым, сырым, с низким небом, которое лежало на шпиле, как вата на ёлочной игрушке. Пахло рекой, выхлопом и прелыми листьями. Под ногами шуршало.

Она не была в Москве шесть лет. Не была у этого дома — тридцать один год.

Нет. Неправда. У этого дома она не была никогда. Отец не водил её сюда. Она видела его только издали — из окна троллейбуса, с моста, с Таганского холма, когда они с мамой гуляли по субботам. Мама показывала пальцем и говорила: вон папин институт. Варвара смотрела на шпиль со звездой, на башенки, на каменных людей на карнизах и думала, что папа, наверное, сидит на самом верху, под звездой, и смотрит вниз на весь город.

Подъезд со стороны Яузы оказался не подъездом. Это была узкая металлическая дверь в стилобате, между двумя витринами закрытого магазина. Серая, без таблички, без звонка, с кодовым замком старого образца — кнопки с цифрами, стёртые до блеска. Над дверью — камера, маленькая, круглая, почти незаметная в лепнине.

Варвара остановилась перед дверью и посмотрела в камеру.

Через семь секунд замок щёлкнул.

За дверью была лестница вниз. Бетонная, узкая, с железными перилами, крашенными тёмно-зелёной краской. Тусклые лампы в сетчатых плафонах. Запах — сухой, пыльный, бумажный. Так пахнут библиотеки и старые почтамты.

Сорок две ступеньки. Варвара считала. Привычка.

Внизу — коридор. Длинный, сводчатый, облицованный тёмным кафелем до середины стены, выше — побелка. По стенам — трубы, обмотанные мешковиной. В конце коридора — ещё одна дверь, на этот раз деревянная, обитая дерматином, с медной табличкой.

На табличке было выгравировано одно слово.

«Архив».

Варвара открыла дверь.

За ней сидела женщина лет семидесяти. Маленькая, круглая, в вязаной кофте цвета овсянки, с седыми волосами, собранными в тугой узел, с очками на цепочке. Перед ней — стол, заваленный картонными папками, и чашка чая в подстаканнике. Настоящем, мельхиоровом, с ракетой и звёздами.

— Волкова? — спросила женщина, не поднимая глаз от папки.

— Волкова.

— Похожа, — сказала женщина. Подняла глаза. Посмотрела поверх очков — внимательно, цепко, как смотрят на старую фотографию, сравнивая с оригиналом. — На отца. Особенно подбородок. — Она отложила папку. — Я Марфа Семёновна. Архивариус. Пётр Аркадьевич вас ждёт. Идите прямо, потом налево, вторая дверь. Не трогайте ничего по дороге, пожалуйста. Здесь всё на своём месте.

«Прямо» оказалось залом.

Варвара остановилась на пороге. Она видела много архивов — в посольствах, в министерствах, в подвалах чужих спецслужб, в которые проникала ночью с фонариком в зубах. Такого она не видела.

Зал уходил вниз. Три яруса. Металлические галереи по периметру, лестницы между ними, узкие мостки. И стеллажи. От пола до сводчатого потолка, ряд за рядом, ярус за яру-

сом. Тёмное дерево, латунные таблички с номерами. Папки — картонные, серые, коричневые, синие, перевязанные тесёмками. Коробки. Ящики каталогов с маленькими медными ручками. Катушки плёнки в жестяных банках. Где-то внизу, на третьем ярусе, горела одинокая лампа под зелёным абажуром, и в её свете было видно, как в воздухе медленно кружится пыль.

Тишина была такая, что Варвара слышала собственное сердце.

Над входом в зал, на сводчатой арке, кто-то давным-давно, ещё до неё, до отца, может, до войны, вырезал по камню три слова. Буквы потемнели и стёрлись. Но прочитать было можно.

«ВСЁ ИМЕЕТ ОБЪЯСНЕНИЕ».

И ниже, мельче, другим почерком, будто кто-то потом дописал гвоздём:

«Почти».

Вторая дверь налево вела в кабинет.

Небольшой. Без окон — откуда тут окна. Стол из тёмного дерева, зелёное сукно, лампа с бронзовой ножкой. Книжный шкаф. Сейф в углу, старый, чугунный, с вензелем фабрики. На стене — карта Москвы, огромная, довоенная, вся в пометках карандашом. Кресло для посетителя — кожаное, потёртое.

За столом сидел старик.

Варвара узнала его сразу. Это было странно: в последний раз она видела его в шесть лет, тридцать один год назад, на корточках в тёмном коридоре. Но она узнала. По глазам. Серые, спокойные, очень внимательные. Глаза не стареют. Всё остальное — да. Пётр Аркадьевич Лебедев стал маленьким и сухим, как осенний лист. Лысая голова с пигментными пятнами. Глубокие морщины. Тёмный шерстяной костюм, явно сшитый на того, кто был шире в плечах. Руки — худые, с выпуклыми венами — лежали на сукне ладонями вниз.

— Варвара Николаевна, — сказал он. Голос был тихий, ровный, чуть надтреснутый. — Садитесь. Вы опоздали на четыре минуты.

— Я стояла у двери семь секунд, — сказала Варвара. — И сорок две ступеньки шла. И ещё сорок секунд смотрела на ваш зал.

Лебедев чуть улыбнулся.

— Это не опоздание, — сказал он. — Это правильное начало. Садитесь.

Она села.

— Я обещал вам, — сказал Лебедев. — Тридцать один год назад. Что найду вас, когда вырастете, и расскажу, что случилось с вашим отцом. — Он помолчал. — Я тянул. Слишком долго. Мне казалось, что ещё рано. Что вам не нужно. Что лучше пусть вы будете жить своей жизнью. — Пауза. — Потом оказалось, что у вас нет своей жизни. Что вы двенадцать лет живёте чужими. Уборщицы в Измире. Вдовы в Бейруте. Переводчицы в Вене. Я следил. Простите.

Варвара не ответила.

— Ваш отец, — сказал Лебедев, — у нас не служил. Он был учёным. Биохимиком. Одним из лучших, кого я встречал. — Он произнёс это так, как произносят имя старого друга. — Мы познакомились в восемьдесят шестом, в Севастополе. По одному делу. Потом дружили. Насколько у нас вообще можно дружить. — Пауза. — Он у нас не служил, Варвара Николаевна. Но его смерть — наше дело. Я его так и не закрыл.

— Что такое Отдел «Г»?

Лебедев посмотрел на неё долго.

— Официально — ничего, — сказал он. — Нас нет. Никогда не было. Если вы когда-нибудь спросите о нас в любом министерстве, вам ответят, что такого подразделения не существует, и это будет правдой. Наши люди числятся в шести ведомствах. Мы получаем деньги по строке, которая называется «прочие расходы». У нас нет удостоверений, нет формы, нет герба. — Пауза. — Только архив. И поручения.

— Чьи?

— Того, кто вправе их давать, — сказал Лебедев. Просто. — Мы служим стране. Не человеку, не партии, не ведомству. Стране. Нас создали в пятьдесят третьем году, когда стало ясно, что есть дела, которые никто другой не возьмёт. Потому что не поверит. Или потому что испугается. Или потому что не поймёт, с чем имеет дело.

— Какие дела?

Лебедев кивнул на дверь. На зал за ней. На три яруса стеллажей.

— Вот такие, — сказал он. — Сорок одна тысяча папок. Предатели, которых нельзя судить открыто. Вещи, которые нельзя показывать. Люди, которые видели то, чего видеть нельзя. Места, где пропадают. — Он помолчал. — И то, чему у нас до сих пор нет объяснения. Таких папок — четыре тысячи двести. Мы их держим на третьем ярусе. Отдельно.

Варвара вспомнила надпись над аркой. «Всё имеет объяснение». И ниже, гвоздём: «Почти».

— Зачем я вам? — спросила она.

Лебедев не ответил. Открыл ящик стола. Достал оттуда маленький прозрачный пакет с застёжкой — такие используют для улик. Положил на сукно. Подвинул к ней.

В пакете лежала стеклянная медуза.

Размером с крупную бусину. Прозрачный купол, чуть голубоватый. Тонкие стеклянные нити внизу, закрученные спиралью. И внутри купола — крошечная красная точка.

Варвара не шевельнулась.

Рука сама потянулась к груди. Под свитером, под рубашкой — шнурок. Медуза. Тёплая. На месте.

Она медленно достала её. Положила на сукно рядом с пакетом.

Две медузы. Одинаковые. До последней нити.

— Двадцать шестого октября, — сказал Лебедев, — у себя на даче в Валентиновке умер Борис Тихонович Ушаков. Восемьдесят один год. Бывший начальник отдела министерства. В восемьдесят седьмом он возглавлял одну комиссию. — Голос был ровный. — Его нашла соседка. Он сидел в кресле на веранде. С открытыми глазами. Тело было твёрдым, как дерево. Не трупное окоченение — что-то другое. Лицо… — Лебедев помолчал. — У меня есть фотографии. Я не буду вам их сейчас показывать. Скажу только, что так выглядит человек, который увидел что-то, чего не мог вынести. В правой руке, в кулаке, у него была вот эта медуза.

— Это не единственная, — сказала Варвара. Не спросила.

— Второго ноября, — сказал Лебедев, — в своей квартире на Фрунзенской набережной — Лев Маркович Розен. Семьдесят восемь. Химик-токсиколог. Тридцать лет в том же институте, что и ваш отец. Нашла дочь. В ванной. Сидел на краю ванны, в халате. Глаза открыты. Тело твёрдое. Медуза — в кулаке. — Пауза. — Седьмого ноября, позавчера, — Анатолий Петрович Крылов. Семьдесят шесть. Наш оперативник. В восемьдесят шестом он был в Севастополе рядом с вашим отцом. Квартира в Сокольниках. Нашли утром. Стоял у окна. Стоял, Варвара Николаевна. Мёртвый. Опираясь лбом о стекло. Медуза — в руке.

Варвара смотрела на две стеклянные медузы на зелёном сукне.

— Вскрытие? — спросила она.

— Три вскрытия, — сказал Лебедев. — Три разных эксперта. Причина смерти — остановка сердца. Мышцы — в состоянии, которого никто из них раньше не видел. Как будто все сразу, одновременно, сократились до предела и не расслабились. Ни одного известного яда. Ни одного следа укола. Ни одного следа взлома. Ни одного постороннего на камерах. — Он чуть пожал плечами. — Официально — три пожилых человека умерли от сердечной недостаточности. Полиция открыла и закрыла. Почти закрыла. Там есть одна следователь, она не закрывает. Морозова. Вы с ней познакомитесь.

— Откуда эти медузы? — спросила Варвара. Голос звучал чужим. — Отец сказал — это подарок. Только мне.

Лебедев долго молчал.

— Их было восемь, — сказал он. — Восемь штук. Их сделал в восемьдесят шестом году один стеклодув в Севастополе. Старый мастер, он работал при институте, выдувал колбы и реторты для лабораторий. Ваш отец заказал ему восемь медуз. — Пауза. — Он раздал их людям, с которыми работал в одном деле. Восемь человек. Как знак. Как обещание, что они никогда не забудут того, что видели.

— Какого дела?

Лебедев взял со стола папку. Тонкую. Серую. Перевязанную тесёмкой. На обложке — штамп, выцветший до бледно-фиолетового: «Совершенно секретно. Особая папка». И номер. Чернилами. От руки.

«№ 214».

И ниже, тем же почерком:

«Морская оса».

— Вот этого, — сказал Лебедев. И положил папку перед ней. Рядом с медузами.

— У нас есть правило, — сказал он. — Ему семьдесят три года. Каждый новый сотрудник Отдела, прежде чем получить первое дело, читает архив. Не весь, конечно. Весь не прочитать и за три жизни. Те дела, которые ему выберет начальник. — Он смотрел на неё. — Потому что в нашей работе ничего не бывает в первый раз. Всё, что происходит сегодня, когда-то уже происходило. Тот, кто не знает архива, будет делать ошибки, которые уже сделали до него.

— А первое дело?

— Оно у вас уже есть, — сказал Лебедев. — Три мёртвых старика с медузами в кулаках. Это ваше дело, Варвара Николаевна. Первое. — Пауза. — Вы будете читать — и работать. Одновременно. Днём — по городу. Ночью — здесь. Марфа Семёновна будет приносить вам папки. По одной. В том порядке, который я назначу.

— Почему не все сразу?

Лебедев чуть улыбнулся. Устало.

— Потому что если вы прочитаете всё сразу, — сказал он, — вы будете знать ответ раньше, чем зададите вопрос. А в нашем деле важно не знать ответ. Важно правильно спросить.

Варвара смотрела на папку.

«№ 214. Морская оса».

— Мой отец там есть? — спросила она.

— Ваш отец там есть, — сказал Лебедев. — На каждой странице.

Он встал. Медленно, держась за край стола. Подошёл к сейфу. Открыл — ключом, который висел у него на шее на тонкой цепочке. Достал оттуда что-то маленькое и положил перед ней.

Ключ. Латунный. Старый. С биркой из картона. На бирке — номер: «7».

— Ваш кабинет, — сказал Лебедев. — Седьмой. Тридцать один год он стоял запертым. — Пауза. — В девяносто пятом, после пожара, я вывез из института рабочий стол вашего отца. Со всем, что было в ящиках. Тетради, календарь, бумаги, даже пепельницу. Институт был рад от этого избавиться. Мы поставили стол сюда. Как вещественное доказательство по делу, которое официально не открывали. — Ещё пауза. — Я не знаю, что вы там найдёте. Может, ничего. Он был аккуратным человеком.

Варвара взяла ключ.

Он был холодный и тяжёлый.

— Пётр Аркадьевич, — сказала она. — Что случилось с моим отцом?

Лебедев стоял у сейфа. Спиной к ней. Худая спина в слишком широком пиджаке.

— Читайте, — сказал он. Не оборачиваясь. — Я обещал рассказать. Я расскажу. Но не сразу. Сначала — двести четырнадцатое. Потом — то, что я скажу дальше. — Он помолчал. —

Если я расскажу сейчас, вы не поверите. А если прочитаете — поверите. Это разница, Варвара Николаевна. Для нас — очень большая.

Глава 3. Кабинет номер семь

Кабинет номер семь был в конце коридора, за поворотом, там, где лампы в сетчатых плафонах висели реже и свет становился жёлтым и ровным, как в старых поликлиниках.

Варвара вставила ключ. Замок не хотел поворачиваться — тридцать один год. Она надавила ладонью на головку ключа, мягко, без рывка, как учила Бабушка: замок не ломают, замок уговаривают.

Щёлкнуло.

Дверь открылась.

Маленькая комната без окон. Три шага в ширину, четыре в длину. Бетонный пол, крашеный суриком. Стены в масляной краске цвета топлёного молока, облупившейся у плинтуса. Голая лампочка под потолком — Варвара щёлкнула выключателем, и лампочка загорелась, и это было странно: кто-то тридцать один год платил за электричество в комнате, куда никто не входил.

Посередине стоял стол.

Не казённый. Не такой, как у Лебедева, — тяжёлый, с зелёным сукном. Обыкновенный письменный стол из светлого дерева, с царапинами, с кругами от горячих стаканов, с чернильным пятном на левом углу. Институтский. Из тех, что в шестидесятые делали на мебельной фабрике по сто тысяч штук в год и расставляли по лабораториям от Калининграда до Владивостока.

Отцовский.

Варвара стояла на пороге и смотрела на него.

Она двадцать пять лет училась входить в чужие комнаты. Входить так, чтобы потом никто не вспомнил, что кто-то входил. Бабушка в усадьбе под Ярославлем ставила ей на пол разбросанные листы бумаги и говорила: пройди и не сдвинь. Варвара проходила. Бабушка насыпала на паркет манку тонким слоем и говорила: пройди и не оставь следа. Варвара оставляла — первые полгода оставляла, потом перестала.

Сейчас она стояла на пороге и не могла шагнуть.

На столе лежала пыль. Ровным серым слоем, одинаковой толщины, какая бывает только там, где воздух годами не движется. Пыль лежала на настольной лампе с зелёным жестяным абажуром. На стеклянной пепельнице, в которой было три окурка «Явы», смятых одинаково — в середину, большим пальцем. На стопке бумаг, придавленной куском белого камня. На перекидном календаре.

Варвара вошла. Закрыла за собой дверь.

Села за отцовский стол.

Стул был деревянный, с гнутой спинкой, и он скрипнул под ней, и Варвара вздрогнула от этого скрипа, потому что это был звук, которого она не слышала тридцать один год, но который узнала сразу: отец сидел на кухне в Гончарном переулке на таком же стуле, и он скрипел вот так, когда отец откидывался назад и говорил маме: «Нина, ну что ты».

Она положила руки на стол. На пыль. Ладонями вниз.

Так сидел Лебедев в своём кабинете. Так, оказывается, сидела она.

Календарь был раскрыт.

Перекидной, на металлической пружине, с подставкой из серого пластика. Такие стояли в каждом кабинете каждого института страны. Варвара наклонилась к нему, стараясь не дышать на пыль.

«14 апреля 1995. Пятница».

И на белом поле листка — карандашом, косо, торопливо, отцовским почерком, который она узнала раньше, чем прочитала:

«18:00. Склад. О. — ? Если не вернусь — П. А.»

Варвара читала эту строчку долго.

«18:00. Склад». В шесть вечера он должен был быть на складе. На Шмитовском проезде. Взрыв случился около шести. Диктор в телевизоре сказал — около шести вечера.

«Если не вернусь — П. А.» Пётр Аркадьевич. Значит, он знал, что может не вернуться. Значит, он шёл на склад, понимая, что это опасно, и оставил записку человеку, которого звали Пётр Аркадьевич, и этот человек через десять дней пришёл к ним в квартиру в Гончарном переулке и сидел с мамой на кухне, и мама потом плакала без звука.

«О. — ?»

Буква. С точкой. И вопросительный знак.

Варвара достала из кармана телефон. Сфотографировала листок. Увеличила. Смотрела.

Почерк был торопливый, но отец не торопился, когда писал «О.» — буква была выведена отдельно, крупнее остальных, и нажим на ней был сильнее, и вокруг неё было пустое место, как будто он написал её первой, а потом дописывал остальное вокруг.

Он не знал, что это значит. Он написал букву и поставил вопрос. Он шёл на склад, чтобы узнать.

Варвара положила телефон. Осторожно, двумя пальцами, перевернула листок календаря назад.

«13 апреля. Четверг». Пусто.

«12 апреля. Среда». «Розен — 14:00, лаб.»

«11 апреля. Вторник». «Т. — годовщина. Цветы».

Варвара остановилась.

«Т. — годовщина. Цветы».

Одиннадцатое апреля. Она не знала этой даты. У мамы день рождения был в сентябре. У бабушки — в декабре. У мамы мамы — Варвара вообще не знала, она умерла до её рождения.

«Т.»

Она перевернула ещё. «10 апреля». Пусто. «9 апреля». «В поликл. с Аришей, 9:30». Варвара вспомнила: весной девяносто пятого у неё болело горло, и отец отвёл её к врачу, и в поликлинике пахло хлоркой, и отец купил ей после петушка на палочке у метро, и мама потом ругалась, потому что от петушка на палочке у детей портятся зубы.

Она перелистала назад до января. Записи были такие же: лаборатория, фамилии, время, бытовое. «Шины — поменять». «Нине — сапоги, р. 37». «Склад — инвент. 20-е числа». «Шаталов — 19:00, Сретенка».

Шаталов.

Варвара сфотографировала и этот листок.

Потом вернула календарь на четырнадцатое апреля. Поставила ровно, как было.

Ящиков в столе было три, слева, один под другим.

Верхний открылся сразу. Внутри лежали ручки — шариковые, с жёваными колпачками, штук восемь. Карандаши. Деревянная линейка. Стирательная резинка, твёрдая, как камень. Скрепки в жестяной коробочке от грузинского чая. Пачка «Явы», початая, с четырьмя сигаретами. Коробок спичек. Таблетки от головной боли в бумажной упаковке с выцветшей надписью. Пуговица от пиджака. Два билета в кино — «Иллюзион», декабрь восемьдесят девятого, два ряда, два места рядом.

Варвара смотрела на эти два билета дольше, чем на всё остальное.

Декабрь восемьдесят девятого. Она родилась в октябре восемьдесят восьмого. Значит, маме было с кем оставить годовалую Варю, или мама ходила в кино с отцом, оставив её бабушке. Или отец ходил в кино не с мамой.

Она положила билеты обратно. Точно туда, где они лежали.

Средний ящик был набит бумагой.

Варвара вынимала её по частям и раскладывала на столе, на пыли. Институтские бланки. Пропуска. Квитанции. Инвентарные описи с лиловыми печатями. Копии приказов — «О переводе», «О продлении допуска», «О премировании по итогам». Какие-то графики на миллиметровке. Таблицы цифр без заголовков. Всё казённое, бессмысленное, мёртвое, как сброшенная кожа.

И посередине — тетрадь.

Общая. Девяносто шесть листов. Коричневая клеёнчатая обложка. На обложке — наклейка с рамкой, и в рамке, чернилами: «Волков Н. А. Рабочая. № 14. Начата 3.02.95».

Варвара открыла её.

Почерк — мелкий, убористый, с наклоном вправо. Строчки плотные, без полей. Половина — формулы, которых Варвара не понимала: буквы, цифры, стрелки, шестиугольники колец, подчёркивания в два слоя. Половина — слова.

Она пролистала до конца.

Последняя запись была на тридцать первой странице. Дальше — чистые листы.

Дата: 13 апреля 1995 г.

«Был в складском корпусе второй раз за неделю. Прошёл по описи. По описи — всё закрыто и законсервировано с 87-го.

В секции В, в дальнем отсеке, работает холод. Своя линия. Компрессор новый, не наш, импортный, поставлен не раньше 92-го. Дверь — новая. Замок — новый. На двери пломба нашего института, но номер пломбы в журнале отсутствует.

Я спросил у Гриши из АХО, кто ставил компрессор. Гриша сказал: приезжали в 92-м, бумаги были в порядке, я не вникал.

По акту от 9.03.87 всё, что было по теме, уничтожено. Я этот акт видел. Я его помню. Под ним шесть подписей.

Под акт должен быть подшит протокол уничтожения с подписями комиссии и датой. Протокола нет. Я смотрел в институтском экземпляре: его нет и там. Акт есть, протокола нет.

Значит, 9.03.87 ничего не уничтожали.

Значит, оно там. В секции В. За новой дверью, под холодом, который кто-то оплачивает с 92-го года.

Я не знаю, кому об этом сказать так, чтобы человек на том конце не оказался тем, кто это оплачивает.

П. А. — да. Ему скажу. Он не из института.

Но сначала я хочу знать, сколько там. Опись должна быть. Опись ведёт тот, кто платит за холод.

Завтра в 18:00 придёт приёмщик. Гриша сказал — раз в месяц приезжает человек, забирает что-то малое, подписывает за институт. Гриша видел его подпись. Гриша говорит — Олег. Фамилию не помнит, по бумагам не проверял, бумаги не наши.

Олега нет в штате. Я проверил по всем трём отделам кадров, за все годы. Олега нет.

Приду раньше. Посмотрю.»

Варвара сидела неподвижно.

Лампа над головой гудела тихо, на одной нотке.

Она перечитала последние пять строк. Потом ещё раз.

«Гриша говорит — Олег. Фамилию не помнит».

«Олега нет в штате. Я проверил по всем трём отделам кадров, за все годы. Олега нет».

Она закрыла тетрадь. Положила ладонь на коричневую клеёнчатую обложку.

Отец пришёл на склад в шесть вечера четырнадцатого апреля тысяча девятьсот девяносто пятого года, чтобы посмотреть на человека, которого не было ни в одних документах.

В восемнадцать часов с минутами на складе взорвался газовый баллон.

Варвара открыла нижний ящик.

Он был глубокий и почти пустой.

На дне лежала картонная коробка. Небольшая, из тех, в которых продавали конфеты, — «Птичье молоко», Варвара узнала рисунок, выцветший до серого. Коробка была перевязана суровой нитью, крест-накрест.

Варвара развязала нить.

Внутри, в ватном гнезде, лежали две стеклянные медузы.

Прозрачные купола, чуть голубоватые. Тонкие нити внизу, закрученные спиралью. Внутри каждого купола — крошечная красная точка.

Одна была целая.

У второй нижняя нить была отколота. Скол старый, замутившийся, со сглаженными краями — такой скол бывает, когда вещь с трещиной долго носят в кармане и трут ладонью.

Варвара достала из-под свитера свою. Положила рядом.

Три.

Она сидела за отцовским столом и смотрела на три стеклянные медузы на зелёной картонной коробке из-под конфет.

Лебедев сказал: их было восемь. Их сделал в восемьдесят шестом году стеклодув в Севастополе. Отец заказал восемь и раздал людям, с которыми работал в одном деле.

Восемь. Отец — одну из восьми. Значит, своя у него была одна. Значит, это, — Варвара осторожно тронула мизинцем медузу с отколотой нитью, — чья-то чужая.

Чья-то, кто больше не мог её носить.

Под ватой, на дне коробки, лежала фотография.

Чёрно-белая, маленькая, шесть на девять, с зубчатым краем. На обороте, чернилами: «Херсонес, июнь 86».

Варвара перевернула её.

Каменные колонны на фоне моря. Базилика — она видела такие на открытках. Солнце высоко, тени короткие, значит, полдень. У колонны стоят двое.

Женщина — невысокая, худая, в светлом сарафане, с тёмной косой, перекинутой на грудь. Лицо смазано — она повернула голову в момент съёмки, и остался только овал и тёмное пятно глаз. Смеётся: видно по плечам.

И отец.

Высокий, сутулый, в закатанной по локоть рубашке. Тридцать лет. Острый подбородок. Смотрит не в объектив — на неё.

Варвара положила фотографию на стол рядом с медузами.

«11 апреля. Т. — годовщина. Цветы».

Она закрыла глаза. Открыла.

Тридцать восемь лет. Двенадцать лет службы. Сорок три легенды. Вена, Стамбул, Бейрут, Измир. Она умела входить в комнаты и не оставлять следа. Она умела в сорок секунд стать уборщицей, вдовой, переводчицей, сестрой милосердия. Она умела по тому, как человек держит чашку, сказать, в какой стране он учился.

Она сидела в комнате без окон на минус первом этаже дома на Котельнической набережной и впервые в жизни не знала, что делать с тем, что лежало перед ней на столе.

Телефон стоял на краю стола, справа от лампы.

Варвара заметила его только теперь. Старый, чёрный, эбонитовый, с наборным диском и витым шнуром, уходящим в дырку в плинтусе. ВЭФ, рижский, шестидесятых годов. На диске, в середине, под мутным целлулоидом, — бумажный кружок, и на нём от руки: «7-14».

Он был под пылью, как всё остальное.

Варвара сняла трубку.

Поднесла к уху.

Ничего. Ни гудка, ни шороха, ни того далёкого свиста, который бывает на мёртвых линиях. Пустота. Трубка была холодная и тяжёлая, как камень.

Она положила её обратно.

Собрала бумаги со стола, сложила в том порядке, в котором вынимала, убрала в средний ящик. Тетрадь номер четырнадцать не убрала — положила перед собой. Три медузы вернула в коробку — свою оставила при себе, надела. Коробку с двумя завязала суровой нитью. Фотографию положила в тетрадь, между последней записью и первым чистым листом.

Потом открыла папку номер двести четырнадцать и развязала тесёмку.

* * *

Она читала четыре часа.

В половине третьего ночи в коридоре послышались шаги — медленные, шаркающие — и в дверь постучали. Марфа Семёновна принесла чай в стакане с подстаканником и бутерброд с сыром на блюдце.

— Пётр Аркадьевич лёг, — сказала она. — Велел передать: не читайте всё за одну ночь, оно не убежит.

— Спасибо.

Марфа Семёновна поставила стакан на стол. Посмотрела на тетрадь. На коричневую клеёнчатую обложку.

— Четырнадцатая, — сказала она.

Варвара подняла голову.

— Вы знаете?

— Я их все пронумеровала, — сказала Марфа Семёновна. — Когда стол привезли, в мае девяносто пятого. Тетрадей было четырнадцать. Я их описала и сложила обратно в ящик. — Пауза. — Тринадцать я потом отдала Петру Аркадьевичу, он их читал год. А четырнадцатую он не взял. Сказал — пусть лежит там, где лежала.

— Почему?

Марфа Семёновна поправила подстаканник. Посмотрела на лампу с зелёным абажуром.

— Он сказал: Марфа, я её прочитал. Там на последней странице человек просит помощи у меня. А я не помог. — Пауза. — Пусть она лежит у него на столе. Чтобы, если кто-нибудь когда-нибудь сюда войдёт, он прочитал это до того, как станет меня уважать.

Она пошла к двери.

На пороге обернулась.

— Варвара Николаевна. Телефон не снимайте.

Варвара посмотрела на чёрный эбонитовый аппарат на краю стола.

— Он не работает, — сказала она.

— Не работает, — согласилась Марфа Семёновна. — Линию перерезали в девяносто восьмом, когда меняли узел. Я сама видела, как перерезали. — Пауза. — Он всё равно иногда звонит.

Дверь закрылась.

Варвара посидела минуту. Потом встала, подошла к плинтусу, присела и потянула витой шнур.

Шнур уходил в дырку в бетоне, пробитую зубилом и замазанную по краям цементом, который за шестьдесят лет стал серым и твёрдым, как сам бетон. Варвара подёргала. Шнур держался. Она посветила в дырку фонарём телефона. Темнота.

Она вернулась за стол.

Чай остыл. Бутерброд она съела, не заметив.

В четыре часа семь минут телефон зазвонил.

Звонок был резкий, дребезжащий, механический — не электронный писк, а настоящий молоточек, бьющий по чашкам, какого Варвара не слышала с детства. Он ударил в тишину

комнаты без окон так, что она дёрнула рукой и опрокинула подстаканник, и стакан покатился по столу, и чай, холодный, пролился на пыль, и на пыли остался тёмный след.

Варвара смотрела на аппарат.

Он звонил. Второй раз. Третий.

Она протянула руку. Сняла трубку.

— Да.

Тишина. Но не та, что была в два часа ночи. Другая. В этой тишине кто-то был — Варвара слышала это, как слышишь человека в тёмной комнате: по тому, как меняется воздух.

— Варвара Николаевна, — сказал голос.

Мужской. Негромкий. Ровный. Немолодой — но не старческий; так говорят люди в шестьдесят, которые всю жизнь говорили мало и точно. Без акцента, без особенностей, без ничего, за что можно было бы зацепиться. Голос, по которому нельзя сказать ни города, ни образования, ни даже настроения. Варвара двенадцать лет училась слышать в голосах всё. Здесь не было ничего.

— Кто это? — спросила она.

— Это неважно, — сказал голос. — Важно, что вы сидите в седьмом кабинете и у вас открыта четырнадцатая тетрадь. Страница тридцать один.

Варвара не ответила.

— Вы прочитали про Гришу из АХО, — сказал голос. — Григорий Денисович Шатров, завхоз складского корпуса, тысяча девятьсот сорок первого года рождения. Он жив. Восемьдесят пять лет. Живёт в Балашихе, у дочери, Первомайская улица, дом двенадцать, квартира сорок. Он плохо слышит на левое ухо, поэтому садитесь справа. И он не любит, когда приходят в форме, поэтому не приходите в форме. — Пауза. — Он помнит фамилию. Он тридцать один год её помнит. Он никому не говорил, потому что никто не спрашивал.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что вы спросите, — сказал голос.

Щелчок.

Гудков не было. Просто щелчок, и потом та первая тишина — холодная, пустая, мёртвая.

Варвара медленно положила трубку.

Посмотрела на свою руку. Рука не дрожала. Это было почти обидно.

Она взяла салфетку с блюдца, вытерла пролитый чай со стола, и когда вытирала, поняла, что стирает пыль, которая лежала здесь тридцать один год, — и остановилась. Но было поздно: на столе, слева от тетради, остался чистый след. Светлое дерево. Царапины. Чернильное пятно.

Варвара смотрела на этот чистый прямоугольник.

Потом взяла салфетку и стёрла всю пыль со стола. Целиком. До края.

Глава 4. Дело № 214. Морская оса

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.